
Ирина ГОРЮНОВА

СКАЗКИ ДЛЯ ФОНАРЩИКА, СТРЕЛОЧНИКА И ДРУГИХ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ

Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе все-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь — как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь — как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво.

*Антуан Де Сент-Экзюпери.
Маленький принц*

Фонарщик

Когда Фонарщик зажигал свой фонарь, мир становился ярче и прекраснее, словно в тот миг рождалась новая маленькая вселенная или загоралась звезда. А когда он его гасил — вселенная или звезда засыпали до утра или до новой жизни. Мы же не будем говорить о том, что они умирали. И кто знает, как оно происходило на самом деле, если мы не были этими вселенными и звездами?!

Шло время. Планета Фонарщика крутилась все быстрее и быстрее, ему все чаще и чаще приходилось зажигать и гасить свой фонарь, и прекрасное волшебство превратилось в рутинное, выматывающее и раздражающее занятие. Но Фонарщик не мог ничего изменить, он был верен своим традициям, принципам, в конце концов, своему слову, которое сам себе когда-то дал! Разве можно предать самого себя? Немыслимо!

Когда-то Фонарщика посетил Маленький Принц, давший ему безумный совет: постоянно идти вперед, чтобы не гасить фонарь. Мальчишка! Что он понимал! К тому же если оставаться все время на солнце, то запросто можно получить солнечный

Ирина Горюнова — поэт, прозаик, драматург, критик. Окончила ВЛК при Литературном институте им. А. М. Горького. Печаталась в журналах «Футурум АРТ», «Дети Ра», «Крещатик», «Литературная учеба», «День и ночь» и других, автор многих книг. Живет и работает в Москве.

удар и солнечные ожоги! А как мечтательно он смотрел на восходы и закаты солнца! Глупый романтик! Если бы он знал, как они осточертели Фонарщику за все эти годы!

Кто-то из путешественников потом рассказывал Фонарщику о том, что Маленький Принц посещал Землю и что-то на ней искал и то ли нашел, то ли нет, то ли вернулся на свою планету, то ли умер — Фонарщик не помнил, потому что страдал кратковременной амнезией, а может быть, ничем не страдал, а просто умело приотворялся. Более того, иногда ему снилось, что он сам и есть Маленький Принц, только очень разочарованный в жизни, в людях и в розах, и есть шанс, что в змеях и в лисах тоже... Со змеями в принципе все как-то проще и понятнее, а вот с лисами, тем более желающими, чтобы их приручили, такая морока! Сначала они об этом грезят и клянутся наслаждаться своей несвободой, а потом начинают тебя боготворить, страдать от зависимости и плакаться об этом всем, кто попадает к ним на пути... Разве это не глупо и не бессмысленно? Еще как! После нахлынувших подобных мыслей Фонарщик вздыхал, пожимал плечами и раздраженно гасил фонарь.

Но как-то раз он на минутку забылся, заснул, и ему пригрезился странный сон. В нем он встретил Ее, ту, от которой не мог отвести глаз, ту, к которой стремилось его сердце. Она рассказывала ему сказки, дарила солнечных зайчиков, морскую пену, поцелуи ветра, поцелуи цветов... Он слушал и не хотел просыпаться, потому что знал: стоит ему это сделать, как она исчезнет, ведь ему придется погасить фонарь. Она отдавала ему свои часы и дни, свою силу и радовалась тому, что его фонарь горит, тому, что на свете появилась новая вселенная. Фонарщик испытывал неведомые доселе чувства, но в то же время томил страх: он боялся изменить своим принципам и выглядеть перед собой пустышкой, тем, кто не заслуживает доверия...

У этой сказки нет одного конца, потому что у каждого Фонарщика всегда есть выбор: позволить жить новой вселенной или остаться человеком слова, проснуться и потушить фонарь, чтобы потом зажечь его снова... Неважно зачем, просто потому, что так положено...

А еще можно послушать Ее сказки, прежде чем сделать этот выбор. И послушать свое сердце... Потому что долг, традиции, принципы не нужны, если нет главного — любви.

Стрелочник

Жил да был Стрелочник. Где данный господин жил и был, он не знал и сам, поскольку единственное, что его интересовало, — переводить стрелки. Это было его любимым занятием. Он переводил стрелки на железнодорожных путях, переводил стрелки в часах и просто переводил стрелки там, когда и где ему это удавалось.

Он отправлял в разных направлениях поезда и пассажиров, ехавших в его вагонах, отправлял к определенному времени людей в те места, куда им было надо или даже совсем не надо попасть, отправлял кого-то куда-то и с кем-то решать какие-то вопросы, хотя и сам не знал, зачем он это делает. Может быть, в этом было его призвание, предназначение, или каприз его натуры, или что-то еще, до поры скрытое от разума.

Когда-то давно Стрелочник был как все люди. Родился в любящей семье у папы с мамой, потом ходил в школу, учился, первый-второй-третий раз влюбился, но как-то в целом ему не слишком везло. Родители его считали, что мальчик рожден для того, чтобы стать им в старости утешением, поддержкой и опорой, поэтому обращались с ним весьма строго и редко были им довольны.

Первые стрелки он начал переводить именно тогда. Стремился пораньше уйти в школу и избежать нудных нотаций или, наоборот, решал попозже вернуться домой... Потом, когда приходилось объясняться с предками и доказывать им, что оценка в школьном аттестате или порванная одежда не его вина, а учителя Ивана Петровича или хулигана Кольки... В железнодорожный институт ему все же пришлось поступить, потому что так хотел отец, а до этого (потому что так хотела мать) Стрелочник окончил музыкальную школу по классу скрипки.

Первый раз он взбунтовался в период своей первой сильной влюбленности. Тогда даже перевелся на вечернее отделение, пошел работать и снял квартиру, чтобы родители прекратили постоянно вмешиваться в его жизнь. Увы, первая любовь развелась, равно как и вторая, третья... Честно говоря, любимые женщины причиняли ему только боль. Стрелочник страдал, ревновал, прощал, унижался, но в итоге Они уходили, а Он оставался один, с разбитым сердцем.

Родители старели, требовали заботы, и Стрелочник не мог им в этом отказать, поэтому на какое-то время смирился, а после их смерти с методично разумным подходом выбрал себе жену, в чем-то похожую на мать, и устроился работать стрелочником на железнодорожный вокзал. Он приобрел привычку разговаривать сам с собой и часто бурчал себе под нос: «Едут куда-то, едут, а зачем едут? От себя не убежишь, нет на земле места, где ты перестанешь быть собой и сумеешь все начать заново. Сказки это, глупые сказки».

Конечно, когда порой видел в окнах проходящих мимо поездов любопытные детские рожицы, в сердце нечто екало и ему тоже хотелось куда-то ехать, мчаться, рассматривая мир из окна вагона. Порой, забывшись, он даже делал несколько шагов в сторону касс дальнего следования, но тут же спохватывался и срочно переводил стрелки, иногда даже много стрелок, — тогда его отпускало...

Ангел

Иногда Стрелочнику снилось, что был ангелом. Он вспоминал, как любил смотреть на звезды, летал по ночам во сне, путешествуя по самым разным мирам, купался с дельфинами в море, разбрызгивая руками серебро лунной дорожки, задорно и во весь голос хохотал... Ему чудилось, что когда-то он искал вместе с друзьями в таинственном заброшенном доме клад, но вместо этого они нашли дверь в иной мир, куда бесстрашно шагнули и вернулись обратно только после невероятных приключений...

Ему снилась Та, Единственная, которую встретил в одном из путешествий во сне и которую по глупости и неосторожности потерял. Помнится, тогда испугался, что она ненастоящая и что, когда проснется, окружающая действительность окажется слишком реальной, а он просто этого не перенесет. Иногда, когда сильно любишь, проще забыть про это, спрятав голову в песок и немного переждав, чем испытывать мучительную боль собственной беспомощности, видя, как Она уходит, а ты не можешь ее остановить...

Ему было страшно не соответствовать самому себе, страшно смотреть в зеркало и видеть, как свет в глазах сменяется болью тьмы. Он был разумным мальчиком с развитым чувством самосохранения, поэтому в очередной раз предпочел перевести стрелки. И не замечал, как его крылья облетают, в то время как у кого-то другого благодаря переведенным стрелкам они начинают расти.

Бедный маленький ангел! Он так хотел испить живой родниковой воды, но боялся зачерпнуть требующуюся ему для утоления жажды влагу из стоячего болота!

Кривые зеркала

Стрелочник не знал, что ему приходится жить в мире, где все зеркала кривые и показывают не то, что есть на самом деле, а нечто иное. Настоящие же зеркала, наоборот, клеймились «кривыми», считались браком и по возможности уничтожались.

Стрелочник был небогат, поэтому доставшееся по наследству зеркало именовалось, увы, «кривым», показывая какие-то неправильные и раздражающие картинки, а приобрести новое не хватало средств: имелись у него и более насущные нужды. Впрочем, утешался тем, что на самом деле выглядит иначе: гораздо моложе, стройнее, выше и импозантнее. Время от времени ему удавалось заглянуть в «правильные» зеркала своих более обеспеченных друзей, и там показывали довольно приятного молодого человека романтической наружности: стройного, с внимательным и вдумчивым бархатистым взглядом и благородной осанкой.

Честно говоря, на друзей и знакомых тоже оказывалось гораздо приятнее смотреть не прямо, а через зеркало. Впрочем, для ежедневного ношения как на улицах, так и в помещениях всем жителям планеты правительство милостиво и заботливо прописало бесплатные розовые очки. Оказаться в публичном месте без них не то чтобы не позволялось, но считалось признаком дурного тона. Единичные бунтари, решающиеся на подобные дерзости, тут же подвергались либо язвительным насмешкам, либо их просто не замечали, словно перед розовоочковцами находилось пустое место, а не живой человек из плоти и крови.

Собственное зеркало Стрелочника пугало. Казалось, в нем таится нечто опасное, дерзкое и бунтарское, способное нарушить спокойное течение жизни благопристойного гражданина и черт знает куда его завести. Поэтому старался подходить к нему как можно реже, а порой даже пробегал мимо него резвой трусцой, опустив глаза вниз, а то и вовсе зажмурившись.

Двойник в зеркале

Однажды он все-таки замечтался и встретился со своим Двойником в зеркале.

— И тебе нравится так существовать? — спросил Двойник.

— Жить, — педантично поправил его Стрелочник.

— Э, нет, братец, это не жизнь, — возразил тот. — Ты существуешь, как Премудрый Пескарь, сказку о котором проходил еще в школе.

— Не преувеличивай, — скривился Стрелочник. — Много ты понимаешь, если живешь даже не в реальном мире, а в Зазеркалье.

— Иногда со стороны видно гораздо лучше, поверь. А еще я вижу, как опадают твои крылья, словно деревья осенью, теряющие листву...

— Ты поэт и романтик, — заметил Стрелочник.

— Ты тоже, — ответил грустно его двойник из Зазеркалья, — только ты этого не помнишь.

— Возможно, так лучше.

— Лучше? Разве может быть лучше птице без крыльев, если они даны ей природой? Вспомни, как ты упивался миром, его красотой и тайнами!

— А потом просыпался и плакал в подушку, прятал слезы, синяки, поруганную гордость, чтобы их никто не увидел и не смог наддаться побольнее... Когда тянешься к людям и предлагаешь им свое сердце, они воспринимают его как мишень, в которую можно очень ловко метать отравленные дротики. Я против.

— Просто ты был слаб, боялся, не умел прощать, не верил в свою силу, но мог бы это преодолеть и стать счастливым!

— Счастливым? Как? В чем? Купаясь с дельфинами в море? Я уже счастлив. Я живу спокойно, без тревожений, работаю, перевожу стрелки и не хочу другой жизни... Все остальное — миф, придуманный для блаженных романтиков, всю жизнь бродящих в зазеркальных лабиринтах... — произнеся эту фразу, Стрелочник насупил, отвернулся от зеркала и пошел прочь.

— Постой, — закричал Двойник. — Я расскажу тебе одну историю!

Мечта

Жил да был странный суслик с большими синими глазами. Он очень хотел увидеть море, хотя и не знал, что это, но морем бредил. Чтобы его найти, однажды суслик собрался в дальний путь. Долго скитался странный суслик по миру, истрепал свою красивую шелковистую шкурку так, что она висела лохмотьями, и от всей красоты у него остались только огромные синие глаза. Но однажды, подойдя к краю скалы, суслик наконец увидел море. Оно было огромным, безбрежным и красивым, как сама жизнь. И суслик остался на этой скале, чтобы каждый день видеть свое море: то ласковое и тихое, как поцелуй мамы, то грозное и бушующее, как рык льва. Изо дня в день любовался суслик морем и был счастлив.

Но как-то к подножию скалы приплыл прекрасный дельфин. Его кожа серебрилась в лунном свете, и он казался каким-то сказочным, мифическим существом.

— Привет, — сказал дельфин.

— Привет, — ответил суслик.

— Что ты тут делаешь?

— Живу. На море смотрю.

— Хочешь, я покаताю тебя на своей спине по волнам?

— Хочу.

— Прыгай ко мне. Я поймаю, — предложил дельфин.

— Но я разобьюсь... — испугался суслик.

— Ты не разобьешься, я поймаю тебя! — успокоил дельфин.

— Нет. Я боюсь, — покачал головой суслик.

— Жаль, — ответил дельфин и уплыл.

Суслик долго смотрел на море и вздыхал, из его прекрасных глаз катились огромные соленые слезы. И тут суслик понял, что у каждого обязательно должна быть мечта, ведь если тебе больше не о чем мечтать, значит, ты уже не живешь... Тогда суслик собрал маленький мешочек со своим нехитрым скарбом да и ушел обратно, туда, где жил раньше. Когда же у суслика появились дети, он часто рассказывал им про море и дельфина, и в синих глазах маленьких сусликов великой мечтой плескалось синее-пресинее море.

— Что за чушь! — рассердился Стрелочник. — Мечтающие о море суслики! Это, конечно, оригинально, но абсолютно неправдоподобно, нежизненно и вообще бес-толково! Давай теперя я расскажу тебе другую историю!

Львиная страсть

Жил да был на свете мудрый и прекрасный лев. Ему было очень скучно, потому что он обладал даром пророчества и знал многое из происходящего на земле.

Он видел, как сталкиваются и тонут корабли в море, как ликующие птицы танцуют в воздухе любовный танец, и вдруг одна из них падает, подстреленная безжалостной рукой умелого охотника, а другая кидается на острые скалы грудью, чтобы покончить с безбрежной тоской отчаяния...

Многое, очень многое видел мудрый лев, однако сердце его было холодным как камень. Лев убивал животных, чтобы насытить себя, и никогда не плакал над своими жертвами, но и никогда не убивал ради развлечения. «Просто так устроена жизнь, — думал лев, — и в этом нет совершенно ничего противоестественного».

Однажды он встретил грациозную серну и не убил ее, потому что как-то совершенно «не вовремя» посмотрел в ее прекрасные влажные, полные страха глаза и влюбился. Серна же дрожала от ужаса.

- Не бойся.
- Почему?
- Я полюбил тебя.
- И ты не убьешь меня?
- Нет.
- Никогда?
- Н-никогда, — чуть-чуть запнувшись, ответил лев.

Серна посмотрела льву прямо в глаза и поняла, что он говорит правду. Ей льстило то, что такой могучий и сильный зверь отдал ей свое сердце, и она осталась. Лев сочинял ей стихи, и его гордый влюбленный рык разносился далеко-далеко, оповещая всех о великой любви, такой странной и неожиданной. По ночам они вместе смотрели на звезды, и серна засыпала, доверчиво положив нежную голову на сильное плечо могучего царя зверей.

Однажды, когда лев был на охоте, серна встретила прекрасного оленя с ветвистыми рогами и влюбилась в него. Олень тоже полюбил молодую грациозную серну. Они ушли вместе.

Когда лев вернулся, то сразу понял, что его обманули. О, этот рык был поистине страшен! Лев рычал так, что содрогались деревья, а окрестные звери тряслись от ужаса в своих ненадежных убежищах.

Прошло время. Лев охотился. Ему очень хотелось есть. Загнав молодую серну, он прыгнул и приблизил свою страшную пасть к ее шее, туда, где теплится и бьется под кожей кровь, пульсируя и перетекая упругой жизненной силой. Он посмотрел жертве глаза и увидел свою бывшую возлюбленную.

- Ты сказал, что никогда не убьешь меня, — прошептала в ужасе серна.
- Я солгал, — усмехнулся лев и впился ей в горло зубами. — Я солгал, любимая.

— Да, бывает и так, — согласился Двойник, — но и у льва, и у серны был выбор. Они оба могли поступить по-другому, и не один раз.

— Действительно так считаешь? Ты ошибаешься. Есть только один закон, закон природы, закон эволюции: выживает сильнейший, — скривился Стрелочник.

— Даже подчиняясь закону природы, мы можем стать выше него, — грустно улыбнулся Двойник.

Последний подарок

Старой обезьяне было грустно и одиноко. Она стыдливо прятала свою потертую и облысевшую спину в тени листьев дерева, на котором притулилась, стараясь стать маленькой и незаметной. Она понимала, что зажилась в этом мире, но ничего не могла с этим поделать и влачила свое существование, как умела. Молодые обезьяны не считались с ней, предпочитали дразнить и делать любые мелкие пакости. Стараясь не доводить молодое поколение до греха, обезьяна пряталась на окраине, в густых и разросшихся листьях вековых деревьев, которые помнила еще ребенком, а это было очень давно. Теперь же с трудом удавалось добывать себе еду, так как старые руки дрожали и иногда срывались с веток, не удерживая потяжелевшее и обрюзгшее тело, да и покрасневшие подслеповатые глаза подводили все чаще и чаще. А молодые шалуны, как нарочно, ловили момент, когда обезьяна с трудом добиралась до вожаденного банана или другого плода: они с хохотом срывали его, ловко выделывая кульбиты и мгновенно уносясь прочь. Что ж, молодость бывает жестока.

В животе постоянно ныло. Шел сороковой день засухи, в лесу почти не оказалось еды. Многие умерли, кто-то ушел в поисках пищи в другие места. Оставались только пожилые обезьяны, которые не были способны на долгие путешествия, и матери с детьми. Маленьким обезьянкам было тяжелее всего. Глядя на своих мам печальными глазенками и молча перебирая потрескавшимися губами, они, обреченные, словно бы вспоминали вкусы.

Старой обезьяне повезло. Медленно и тихо перетекая с ветки на ветку, она обнаружила в глубине пальмы большое и сочное манго, которое уже слегка подгнило, но еще держалось на ветке, норовя вот-вот упасть на землю. Под слегка помятой кожицей переливался сладкий, томящий сок. Жадно схватив плод сморщенными худенькими ручками, обезьяна поднесла его ко рту и откусила кусок. Решив растянуть блаженство, обезьяна спустилась на ветку ниже и удобно устроилась на широком разлапистом суке дерева. Предвкушая удовольствие, посмотрела на плод, а потом настороженно огляделась. На соседней ветке тихо сидела молодая обезьяна с малышом на руках, который жадно, но обреченно смотрел на манго. Они не шевелились, не пытались отнять его, они просто смотрели. Старая обезьяна судорожно сглотнула и прижала к себе драгоценный плод. Молодая отвернулась. Малыш не сводил взгляда с потекшего и одурманивающего пахнувшего фрукта: он пах жизнью.

Страх и жадность вскружили голову старой обезьяне, рванулись в ее мозг. В желудке заурчало, требуя пищи. Обезьяна попыталась перелезть на другую ветку, чтобы не видеть больше этих детских глаз. Но в сердце внезапно созрело решение, которому противилась вся звериная сущность, желающая выжить. Зажмурившись, все еще не веря себе, старая обезьяна подползла к малышу и протянула ему манго. Маленькие лапчонки цепко схватили неожиданный подарок. Обезьяна отвернулась и тихо поползла вниз. Она не видела той, одной-единственной, слезы, скатившейся по щеке матери малыша, не видела и глаз маленькой обезьянки, которая смотрела ей вслед, смотрела восторженно и благодарно.

Старая обезьяна шла умирать.

— И что ты хочешь этим сказать? — голос Стрелочника дрогнул — все-таки тот, в зеркале, смог задеть его за живое.

— Ничего, кроме того, что уже сказал, — пожал плечами собеседник.

— Это лишь сказки. В реальности все не так. Стремление выжить, страх, жадность, боязнь потерять не только жизнь, но и комфорт правят живыми существами, —

защищался Стрелочник. — Когда кого-то непохожего на остальных из стаи начинают травить, ему остается лишь удрать и где-нибудь сдохнуть, смирившись со своей чертовски печальной участью и злодейкой судьбой.

— И ты считаешь, что никто и никогда не сможет ничего изменить? Что таких историй не бывает? А вдруг это не так?

Как делаются воргушонки

Жила да была на свете лягушонка. И все у нее было хорошо: солнышко светило, грело ласково, дом у нее был, друзья — в общем, чего еще можно пожелать? Лягушонка поэтому ничего больше и не желала. А радовалась тому, что у нее есть, песенки пела, когда пелось, прыгала, когда прыгалось.

Жил да был на свете воробьишка. У него тоже все было хорошо. Ну, настолько, насколько это вообще возможно в его воробьиной жизни. У него тоже были друзья, дом, и его тоже ласково грело солнышко, а когда не грело, то, по крайней мере, светило. И он тоже и пел, и прыгал, и радовался, когда было чему.

Потом лягушонка и воробьишка случайно встретились, посмотрели друг на друга, познакомились и разошлись по домам. И стали тосковать, потому что поняли, что хотят быть вместе. Но вроде как лягушонки с воробьишками семей не создают, не было еще такого в природе. И стали над ними окрестные лесные жители потешаться. Сороки во все стороны сплетни разносят, стрекохут, даже зайцы и те по кустам шепчутся, хихикают, хвостиками от смеха пошевеливают. Друзья и знакомые отговаривают: «Что это, мол, за глупости? Диво дивное, чудо чудное, небывалое, неслыхалое». Долго ли, коротко ли, но решили наши друзья лягушонка и воробьишка не слушать советов добрых друзей и соседей, а пойти искать волшебную страну, такую, где бы их никто не осуждал и никто бы над ними не смеялся. Взялись они за руки и ушли. И никому ничего не сказали. Нечего было потешаться. Тут друзьям стыдно стало, да поздненько они спохватились.

А лягушонка с воробьишкой, говорят, с той поры в волшебной стране живут. Домик у них там свой пряничный на берегу кисельного озера, и они на шоколадной лодочке по озеру плавают, конфетных рыбок ловят. А еще у них детки появились — воргушонки. Смешные такие, зеленые, с крылышками, а лапки у них в перепоночках. Очень симпатичные. И самое главное, все они очень счастливы. На то она и волшебная страна!

— Слушай, сказочник, — возмутился Стрелочник. — Я вообще не понимаю, что ты плетешь! Уже до каких-то мутантов досочинялся! Тебе стоит к психотерапевту сходить, чтобы он тебе от психических сдвигов в мозгу пилюльки прописал!

— А все-таки настоящая любовь способна творить чудеса! — убежденно сказал Двойник.

Соловьинный Бог

Однажды гордый сокол пролетал над лесом и услышал дивную песнь соловья, который пел о любви, о любви к недосягаемому и великолепному соколу, в чьих объятиях даже смерть будет прекрасна. Сокол спустился пониже, сел на ветку и стал слушать песню. И так она ему запала в душу, что решил посмотреть на чудесного певца. Увидев же, страшно удивился, потому что «певцом» оказалась маленькая невзрач-

ная птичка: ее тоненькое горлышко было напряженно устремлено к небу, именно оттуда лилась эта чарующая песнь любви, торжествующая и прекрасная.

Когда песнь окончилась, сокол подлетел поближе и спросил:

— Ты пел о любви ко мне?

— Да, — ответил соловей.

— Ты такой маленький и невзрачный, я могу растерзать тебя своими мощными когтями и крепким клювом в одно мгновение. Но ты поешь так прекрасно, что мое сердце замирает. Правда, я все равно хочу растерзать тебя и посмотреть, как ты устроен и откуда в тебе этот чудесный дар.

— Растерзай, если тебе угодно, — ответил соловей. — Я так люблю тебя, что для меня нет ничего прекраснее смерти в твоих объятиях.

— Нет, — сказал сокол. — Я не буду этого делать, по крайней мере, пока. Я хочу слушать твои песни и наслаждаться твоей любовью. Я хочу, чтобы ты пел мне.

И соловей пел соколу о своей любви, о свободе и счастье полета, о том, что когда восходит над землей солнце, то первые его лучи касаются края неба и освещают облака, листья деревьев так же, как освещает душу маленького соловья любовь сокола. И сокол полюбил соловья. Неистово и страстно, как могут любить только свободные и гордые птицы. Но потом в гордости своей и необузданности сокол сказал:

— Я люблю тебя, но я хочу создать тебя заново, хочу, чтобы ты смотрел на мир моими глазами, дышал моим дыханием, чтобы весь мир для тебя был — Я.

— Да, мой повелитель, — ответил соловей.

И соловей стал смотреть на мир глазами сокола — отныне даже дыхание его было священным для маленького певца: сокол стал Богом. Вскоре такое обожание насытило сокола, да и песни соловья стали настолько хвалебны и однообразны, что набивали оскомину. И в один прекрасный день сокол сказал:

— Я улетаю. Ты мне наскучил. Ты стал сер не только снаружи, но и изнутри. Я больше не люблю тебя, — он взмахнул крыльями и взлетел к небу.

Но тут он внезапно замер, ибо раздалась такая песнь, которой он еще не слышал ни разу. Бедный маленький соловей пел о том, что жизнь жестока и что любимые боги могут искалечить маленькое сердце, которое не способно выдержать муку настолько неистовую, что смерть в когтях любимого была бы большим благом. Сокол устыдился и полетел вниз, но увидел под деревом лишь маленькое бездыханное тельце чудного певца, из которого вместе с любовью ушла и жизнь.

— И в чем здесь чудо? — скептически пожал плечами Стрелочник. — В чувстве стыда? В нелепом самопожертвовании? В разорвавшемся от боли и горя сердце, в смерти? В этом твое чудо?

— Да ты как принц-лягушка в болоте! — возмутился Зазеркальный. — Вспомни Ту, свою Единственную и свое счастье, которое ты сам, добровольно упустил! Ты мог не только сам стать счастливым, но и сделать счастливым кого-то еще. А ты заматался в паутину, залез в болото и затаился там, как столетний дряхлый черепах! Эх, ты! Ты даже не знаешь, как она плакала, как искала и звала тебя, пока ее сердце не омертвело. Тогда-то она и написала про тебя сказку! Вот она, держи, ты вполне ее заслужил!

Принц-лягушка, или Превращения

Жил да был на свете принц-лягушка. Был он очень нежным и романтичным принцем и все ждал, когда же наконец придет к нему принцесса и расколдует своим

поцелуем. Принцессы время от времени захаживали, но целоваться не умели, так что принц по-прежнему оставался лягушкой. Со временем это ему страшно надоело, и он начал думать, что сказок с хорошим концом не бывает, так что если уж и сидеть в болоте, то надо бы уж и семьей обзавестись для приличия. А сказки про две половинки — это ведь только сказки для маленьких и глупых головастиков, которым не дает ночью покоя огромная тревожная луна, льющая свой задумчивый свет на болото, меняющая очертания предметов, заставляющая трепетать сердце ожиданием небывалых историй и приключений, загадочных и прекрасных сказок, которые рассказывают им по вечерам бабушки, монотонно стуча спицами и раскачиваясь в кресле-качалке.

В это время на другом конце света жила-была принцесса, которая, в общем-то, никогда и не думала о том, что в ней есть что-то принцессочное. Так просто, девушка — и все. Только постоянно страшно кого-то не хватало: душа ее маялась и томилась ожиданием чего-то неведомого. Время от времени принцесса целовала разных принцев, но они сразу превращались в лягушек, квакали и упрыгивали в поисках подходящего болота. И принцессе опять становилось грустно.

А потом пришли сны. Принц-лягушка видел в своих снах принцессу, а она — его, и им стало казаться, что они обязательно должны найти друг друга. Но они думали, что все это только сны... Сны — и ничего более. Но сны оказывались единственно желаемой реальностью, а настоящая реальность была слишком облачная и мгlistая.

И тогда во сне принцесса пошла к своему принцу-лягушке и поцеловала его. И он стал настоящим принцем. Каким и полагается быть сказочным принцем. И так сильна была любовь принцессы, что, проснувшись, принц обнаружил себя принцем, но... посреди болота с лягушками. Тут он испугался и подумал, что теперь ему надо искать свою принцессу, а этот процесс может растянуться на долгие годы. А еще придется преодолевать и дремучие леса, и высокие горы, и быстрые реки... А может, еще сражаться с каким-нибудь страшным чудищем или драконом. «А ну ее, эту принцессу, — подумал принц и превратился обратно в лягушку. — Дома как-то спокойнее, привычнее. Пусть сама идет, если ей так надо. Я лучше как-нибудь тут, на родной кувшинке подожду». Посмотрел он на себя радостно в воду, квакнул, потянулся и сладко заснул.

А принцесса еще долго ждала своего принца, но он так и не появился. Не пересек дремучие леса, высокие горы и быстрые реки и не приехал на белом коне, а женился на соседке-лягушке с неплохим приданым, и появилось у них много маленьких лягушат. Иногда он, правда, выползал ночью на кувшинку, смотрел на звезды и вздыхал, но от этого его быстренько излечила дражайшая супруга — оплеухами.

А принцесса? А что принцесса? Про это никому не ведомо. Исчезла она как-то утром, а куда делась, никто не знает. Может, в лягушку превратилась, а может, принца нашла достойного...

— Ха-ха-ха, — натужно и вымученно рассмеялся Стрелочник. — У нее всегда было хорошее чувство юмора, великолепная фантазия и острый язычок. Что ж, придется тебе передать ей мой вариант сказки в ответ, так сказать — алаверды. Если ты ее, конечно, когда-нибудь встретишь...

«Камасутра» для страуса

Жил да был одинокий страус. Гулял он как-то по живописному оазису, который находился в самом центре пустыни Муби, и вдруг встретил суслика. Вернее, сусличи-

ху. Или суслицу. Ну, в общем, вы поняли. Встретил и понял, что полюбил ее на всю оставшуюся жизнь. Но поскольку страус наш был мужчина не промах, то для начала решил изучить этикет и «Камасутру», чтобы не ударить в грязь лицом перед столь любимым объектом своих страстных мечтаний.

С этикетом проблем не возникло: страус быстро понял, как надо себя вести в присутствии дамы, что говорить и когда снимать шляпу. Правда, шляпы у него не было, но он решил быстро исправить неловкость: тут же выписал себе отличный цилиндр из какого-то модного каталога.

С «Камасутрой» оказалось сложнее. Прочитав всю книгу любовных премудростей, страус решил потренироваться и стал пытаться принимать описанные в книге позы. Попытавшись завернуть одну из пяток за ухо, бедный страус шлепнулся носом в песок и больно ударился. Последующие попытки окончились так же плачевно. Тогда страус решил залезть на дерево (не знаю, зачем ему это понадобилось, вроде в «Камасутре» таких поз нет), но поскольку страусам несвойственно лазить по деревьям, даже если это любимые пальмы, то у него опять ничего не получилось. На дерево-то он в итоге залез, но потом спикировал оттуда головой вниз и долго лежал, засунув голову в песок и приходя в себя.

Отдыхавшись, страус решил поискать что-нибудь попроще и для начала намерился принять позу лотоса — просто для того, чтобы войти в нужное состояние медитации и правильно осмыслить изученный материал. Ноги у страуса гнулись плохо, поэтому заплетал он их долго и мучительно, а когда наконец все-таки заплел, то понял, что расплести их ему не под силу.

Тогда страус горько заплакал и стал проклинать свою несчастную любовь к прекрасной сусличихе. Та как раз проходила мимо и, остановившись, долго пыталась понять, чем же это таким интересным занимается этот ненормальный страус. Тот сделал вид, что все путем, и попросил не мешать ему в его медитации. Суслица прониклась уважением и на цыпочках ушла прочь.

Страус продолжал плакать. Так в позе лотоса провел он бессонную ночь, глядя на звезды: тут ему и открылась истина, он понял, что страусы и «Камасутра» — вещи несовместимые, так же как страусы и суслики, а тогда и этикет тоже не нужен.

Расплел страус свои онемевшие ноги, сладко растянулся на песке в тени листьев банановой пальмы и заснул.

А когда проснулся, то надел свой новый цилиндр и пошел совершать ежедневный моцион по вечернему оазису. Встретив прекрасную суслицу, страус вежливо приподнял цилиндр, раскланялся и произнес:

— Здравствуйте, дорогая, и до свидания.

Он повернулся к суслице задом и решительно зашагал прочь.

— Я рад, что задел тебя за живое, — мягко заметил Двойник и улыбнулся. — Это лучше, чем твой обычный кокон или состояние спячки, в котором ты пребываешь. Сказки пробуждают в тебе хоть какой-то интерес к жизни.

— Уверен? Не устал еще сочинять? Фантазия не иссякла, мой потусторонний друг? Может, продолжишь?

— Охотно, тем более что ты сам просишь...

Бабочка и скорпион

Бабочка летала над поляной с чудными яркими цветами, столь похожими на ее крылья, наслаждаясь солнцем и счастьем. Когда хотелось есть, она присаживалась на

облюбованный цветок и пила его нектар, засовывая хоботок в самую сердцевину соцветия, дарившего эту небесную манну. Она была счастлива.

На сохлой коряге неподалеку от мака, на который приземлилась в очередной раз бабочка, сидел старый скорпион и задумчиво смотрел на нее.

— Скажи, — спросил он, — чему ты радуешься?

Бабочка удивилась.

— Как — чему? Меня греет ласковое солнышко, цветки раскрывают для меня бутоны и дарят пищу... С друзьями же весело кружиться в воздухе в озорных танцах. Мне хорошо. Я радуюсь жизни.

— А тебя не пугает, что жизнь скоротечна и что любая пролетающая птица может съесть тебя в любую секунду? Ведь ты так слаба и ничего не можешь с этим поделать.

— Нет, — ответила бабочка. — Если я не могу это изменить, то почему я должна страдать? Мне хорошо, я и радуюсь.

— Но жизнь жестока.

— Нет, жизнь прекрасна!

— У меня есть жало, которым я могу убить быка, человека, оленя. Я могу защитить себя. Я самый сильный, и меня все боятся.

— Ты счастлив?

— Что такое счастье? — спросил скорпион и тут же ответил: — Счастье — это сила. Поэтому я счастлив.

— Нет, — воскликнула бабочка. — Счастье — это свобода и радость. Счастье — это любовь.

— Глупости, — ответил скорпион и, сердито пыхтя, залез под корягу.

Бабочка все летала по поляне да радовалась тому, что дарит ей жизнь. Потом у нее появились детки. Конечно, сначала они были гусеницами, а потом превратились в куколки, недвижно и тихо висевшие на листьях деревьев. А старый скорпион по-прежнему сидел на облюбованной коряге и грел свои старые антрацитовые бока на солнышке. В один из таких дней он и увидел, как его старую знакомую съела какая-то птица.

— Вот тебе и счастье, — сокрушенно пробормотал он. — Я же говорю, счастье — это сила, а значит, яд! — и угрожающе приподнял хвост высоко вверх.

И тут он увидел: с листьев деревьев одна за одной стали вспархивать бабочки, прекрасные, словно нежные цветы. Они кружились в воздухе разноцветным листопадом, танцуя и радуясь своему земному существованию. Старому скорпиону стало грустно: на мгновение он тоже захотел стать бабочкой, чтобы точно так же кружиться в этом пестром хороводе, взмывая вверх с потоками ветра или наслаждаясь сладким нектаром душистых цветов. Он даже залез на корягу и приподнял свои клешни вверх, однако потом одумался и сконфуженно уполз вниз, в свое жилище.

— Все это одни глупости, — упрямо бормотал он. — Яд — вот и все, что нужно в жизни для счастья.

А бабочки кружились и порхали, образуя разноцветную радугу, перекинувшуюся через всю цветочную поляну, и им совершенно не было дела до старого скорпиона и его силы.

— Кстати, я тут вспомнил еще одну историю, — сказал Зазеркальный. — Ты не будешь против, если я расскажу сразу и ее тоже?

— Валяй, — пожал плечами Стрелочник. — Разве я могу отказать тебе в такой благородной миссии, как спасение моего Я, моей души и моих крыльев?

Заячья душа

Жил да был на свете заяц, большой, матерый, с красивыми карими глазами и пушистым хвостом, а еще у него были веснушки. Да-да, не удивляйтесь, самые настоящие веснушки. И это ему очень шло, потому что вид у него был задорный и какой-то весенний, солнечный. Заяц был умный и много чего знал, поэтому к нему часто шли за советом, и звери относились к нему с уважением, даже волки, а это уже вообще исключительный случай. Но так бывает, хотя и очень редко.

У зайца была большая семья: жена-зайчиха и тринадцать маленьких зайчат, причем все дочки. Наверное, именно поэтому заяц был философом и предпочитал прогуливаться по лесу и меньше бывать дома: от галдежа у него сразу начиналась мигрень, болела спина — попробуйте сами покатать на ней тринадцать дочек-зайчишек, тогда сразу поймете почему!

Конечно, зайчиха постоянно ворчала из-за отлучек мужа, хотя он — главный добытчик в семье: в подвале всегда был запасец корнеьев, морковки, яблок — всего и не перечесать. Но жена есть жена, ей пилить мужа по статусу положено, вот и пилила. А попробовала бы она не попилить — тут бы все соседки-подружки заудивлялись: как же так? Надо же порядок в доме поддерживать! Так что все шло своим чередом: заяц уходил в лес, а жена ела его поедом.

Как-то раз шел заяц по лесу, и вдруг ему навстречу — маленькая грациозная белочка.

— Привет, белочка! — поздоровался заяц.

— Привет, заяц! — улыбнулась белочка.

— Ты такая прекрасная! — восхитился заяц.

— А у тебя очень красивые глаза! — ответила белочка и смутилась.

— Давай гулять по лесу вместе? — предложил заяц.

— Давай, — обрадовалась белочка.

И они стали гулять вместе. Каждый день. Они читали друг другу стихи, бегали наперегонки, бросались шишками. Им было очень хорошо вместе. Белочке нравились стихи зайца и его глаза, а тому нравилась сама белочка и то, что она на него не кричит, а наоборот. Что наоборот — заяц даже самому себе признаваться не хотел. А белочка была влюблена, но никак не могла сказать об этом зайцу, потому как стеснялась и считала, будто в отношениях первым должен делать шаг мужчина.

Так прошло лето, наступила осень, а за нею и зима пришла. Стало холодно и зябко. Заяц поменял шкурку и стал белым, чтобы сливаться со снегом, а белочка оставалась все такой же рыжей, ну просто как маленький огонек. Только вот глаза белочки с каждым днем становились все грустнее и грустнее — ей было непонятно, как к ней относится заяц: то ли он просто ее друг, то ли...

А один раз белочка не пришла. Заяц искал ее, искал, но так и не нашел. Потом его закрутили дела, поиск пищи для семьи, и он забыл про свою маленькую подружку. Когда же пришла весна и все расцвело, запестрели поляны бабочками, задурманились ароматными запахами цветов, заяц увидел на поляне озорного солнечного зайчика, так похожего на его маленькую белочку.

И зайцу стало грустно, потому что он вдруг понял, что оставаться философом не всегда правильно, иногда надо ощущать себя романтиком и обладать смелостью, смелостью говорить то, что думаешь, и быть чуточку счастливее, чем ты есть, смелостью — дарить счастье и тому, кто тебе дорог. А когда заячья душа находится в пятках, а не в сердце — это не жизнь.

— Похоже, ты начинаешь повторяться... Твои истории становятся однотипными, — зевнул Стрелочник. — Так я, пожалуй, гораздо быстрее сочту, что переводить стрелки гораздо занятнее. Передохни, пока я сочиню тебе что-нибудь жизненно отрезвляющее.

Снеговик

Снеговик радовался жизни и жмурился от яркого январского солнышка. Солнышко осветило своими лучами пелеринку снеговика, казалось, на ней сверкают прекрасные ограненные бриллианты, рассыпая дивные сказочные блики.

— Ах, — сказал снеговик, — как я счастлив! Кругом только одна красота. Холод и красота. Как меня любит яркое прекрасное солнышко, если от его лучей я так свечусь и блистаю!

— Карр! — сказала ворона. — Карр! Какой же ты глупый!

— Почему? — удивился снеговик.

— Потому что солнышко к весне станет светить жарче, и ты растаешь.

— Растаю? А что это такое?

— Когда узнаешь, будет уже поздно, — ответила ворона и улетела.

Снеговик подумал, что ворона просто позавидовала, ведь общеизвестно: вороны падки на все блестящее и сверкающее, а ничего прекраснее себя снеговик еще не видел. С каждым днем он радовался солнышку все сильнее, а если погода была пасмурная — тосковал и грустил. Он сочинял солнцу серенады и стихи и был счастлив, когда оно освещало его своими лучами.

Но вот наступила весна, и солнышко стало пригревать сильнее. Снеговик почувствовал в груди какое-то странное волнение — что-то тяжело ворочалось в нем и словно бы просилось на волю. Снеговик начал часто вздыхать и сопеть, а из его глаз стали потихоньку капать слезы.

Ворона сидела на ветке напротив снеговика и наблюдала за ним.

— Ты таешь, — констатировала она.

— Таю, — согласился снеговик.

— Для тебя было бы лучше родиться в холодильнике.

— А там есть солнце? — спросил снеговик.

— Конечно, нет, но солнце тебя же и погубит, глупый, — засмеялась ворона.

— Ну и что, — ответил снеговик. — Зато я сверкаю под его лучами, я знаю, что такое любовь: я любил само солнце...

Ворона пожала плечами, слетела вниз и выпила из лужицы воду, которая осталась от снеговика.

— Ты все никак не поймешь, что любые сюжеты, повороты сюжета и конец сказок зависят от самих сказочников или от персонажей, если они решают действовать сами, а не повиняться чьей-то указке! — грустно констатировал Двойник.

— О как! — расхохотался Стрелочник. — Так ты знаешь иной конец сказки про Красную Шапочку, где волку в итоге не распорол брюхо, или вариант романа про Анну Каренину, где она не бросилась под проходящий поезд?

— Бедный ты, бедный, — сожалеюще посмотрел на него Тот, из зеркала. — Не помнишь, как ты сам писал ей когда-то про звездный дождь? А ты вспомни!

Звездный дождь

Вы когда-нибудь видели звездный дождь? Нет? Вы много потеряли, потому что звездный дождь — это что-то особенное. Иногда бывают очень урожайные ночи, особенно в августе, когда звезды сыплются с неба одна за другой, только успевай собирать и складывать их в корзину. Тогда можно загадывать желания и запускать

звезды обратно в небо, они взлетают и от загаданных желаний опять «прикрепляются» обратно.

Еще звезды можно дарить любимым, тогда у них начинают сиять глаза, они становятся красивыми, начинают писать стихи и петь песни. Звезды можно класть на ночь под подушку детям и возлюбленным, и тогда они начинают рассказывать удивительные сказки про странные и загадочные миры, про прекрасные и удивительные страны, про многое необычайное, такое, что вам и не снилось. А еще звезды можно использовать как ночники — они дают такой мягкий и нежный свет, что в доме со звездой никогда не случается ничего плохого и никто никогда не ругается, все живут дружно и любят друг друга. Звездами можно украшать платья и делать из них ожерелья, можно плести из них венки или вешать на елку, можно добавлять их в вино или в чай по вкусу... много чего еще можно делать со звездами!

Если не верите, приезжайте ко мне в гости, я угощу вас великолепным звездным вином и даже подарю книгу своего собственного сочинения, которая называется «Звездная кулинария. Секреты мастерства», если вы ее еще не читали.

Нет?

— Ты еще помяни мои школьные сочинения в средней школе! — отмахнулся Стрелочник. — Мало ли какой сладкой дури можно насочинять, когда вовсю гормоны играют! Период оголтелого романтизма случается, особенно в пубертате!

— Ты хорошо научился отрешиваться, давать логичные объяснения, переводить стрелки, как я посмотрю.

— У меня были хорошие учителя. Не забалуешь.

— Знаю, тебе не раз приходилось испытывать боль... И боль потерь, ожидаемых и неожиданных, предсказуемых и нет... Но неужели так лучше? Не жить, не дышать?

— А как лучше? Так?..

Шарманщик

Старый шарманщик каждый день бродил по улицам города вместе со своей шарманкой и маленькой обезьянкой, которая умела вытаскивать бумажки с предсказаниями и строить забавные мордочки.

Обезьянка, уже немолодая, была одета в смешной лиловый костюмчик с золотыми позументами, от времени давно облезший и потерханный, как и сама ее шкурка. Впрочем, обезьянке жилось неплохо. Ее подкармливали то кусочком банана или яблока, то конфеткой или печеньем, а иногда даже и пирожным. У каждого из партнеров своя работа: шарманщик крутил ручку поскрипывающей шарманки, обезьянка вытаскивала желающим погадать бумажки, а потом свертывала их обратно в рулончики и складывала обратно в шляпу.

Обезьянка была умной и всегда вытаскивала правильные бумажки. Как ей это удавалось — не знал никто, но она еще ни разу не обманулась с пожеланиями, вынутыми из фокусничьей шляпы: богатому она предсказывала еще больше денег, счастливому — еще больше счастья, грустящему — давала надежду...

Но тут к ним подошла пара — молодой человек с девушкой. Они протянули обезьянке монетку за предсказание. Поглядев им в глаза, обезьянка долго колебалась, а потом отдала обратно монетку и повернулась к паре спиной. Шарманщик разозлился и ударил обезьянку, чего раньше никогда не делал — просто сегодня был неудачный день, ему хотелось есть; к тому же он устал, а старые кости ныли, предвещая перемену погоды.

Обезьянка вскочила и, не глядя, сунула руку в шляпу, а потом быстро подала девушке записку. Та придвинулась к молодому человеку, развернула листок. Посмотрев друг на друга, они рассмеялись и ушли, положив записку в карман.

На следующее утро грустная девушка с опухшими от слез глазами подошла к обезьянке, склонилась над ней и сказала:

— Ты была права, что не хотела предсказывать нам будущее.

Она кинула в шляпу золотую монету, вчерашнюю записку и ушла. Шарманщик развернул бумажку и прочел: «Вы будете вместе, пока смерть не разлучит вас».

— Знаешь, по крайней мере, у них была их любовь. И это никто не сможет отнять.

— Знаешь, — передразнил Стрелочник, — иногда лучше просто не быть луковкой! Если ты понимаешь, о чем я.

Луковка

Жила-была на свете маленькая луковка. Она была умная и быстро поняла, что в этой жизни надо наращивать на кожу слои, чтобы не ранить свое нежное тельце.

Слой за слоем наращивала она свои слои, кутаясь в них, как в одежду, и скрывала свою сущность за ними, коричневыми, неприглядными с виду, но ломкими и хрупкими — как оказалось.

Потом пришел человек, снял всю одежду с луковки и заплакал. И луковка тоже заплакала, терпкими, едкими слезами. Ей было так неудобно такой белой и обнаженной, такой беспомощной, ведь ранить ее теперь стало так просто.

А потом ее порубили на луковый суп.

— И вот еще что, — разошелся вдруг Стрелочник. — Пожалуй, я тебе тоже поведаю внеочередную сказку.

Любовь к людям

Может быть, кто-то однажды увидел, как с неба упала яркая звезда... Кто-то определенно это видел. И эта звезда звалась Любовь к людям. Естественно, она была женщиной, Афродитой. Никто из тех, кто встречался с ней, не догадывался о ее происхождении, и знала ли об этом она сама — тоже остается загадкой. Может быть, да, а может быть, и нет. Неизвестно.

Любовь ходила по миру и заглядывала людям в глаза, но люди равнодушно отворачивались: им не нужна была любовь. Они знали слова страсть, вожделение, предательство, обман — это простые и понятные слова, а любовь...

Да что это такое, в конце концов? Сколько можно мотать людям нервы, искушая их сказкой, которой в природе не существует? А? Что вы молчите? Вот-вот, не знаете... И я о том же...

А потом ее просто сожгли на костре... Нет — распяли на кресте... Утопили в реке... Короче, что-то такое с ней сделали нехорошее, после чего ее не стало.

Может быть, это и к лучшему, нечего людям мозги всякой чушью забивать, вот.

— Если ты не захочешь снять свои черные очки слепца, вынуть голову из песка и посмотреть на настоящий мир, за тебя никто этого не сделает, — печально проговорил Зеркальный.

— Если ты не хочешь снять свои розовые очки, в которых видишь все в дурацко-карамельном виде, то за тебя это тоже никто не сделает, — парировал Стрелочник.

— А она в тебя верила... И все еще верит, потому что пишет тебе такие сказки...

Мастер Света

Когда-то давно, в иных мирах и пространствах, Мастер Света вложил своей ученице в солнечное сплетение белую жемчужину — энергетический шар любви и света к миру. Она с благодарностью приняла этот дар и обещала нести любовь людям. Но шли годы, века, менялись планеты, города, страны, и маленькая жемчужина оказалась забыта. Она по-прежнему покоилась в груди девочки-ученицы, но она спала. Девочка не замечала знаки, указывающие ей путь, не понимала их, потому что заблудилась среди времен и миров.

Факиры пытались привлечь ее внимание огненными шарами, море показывало ей жемчужины, спрятанные в раковинах, небо зажигало свои звезды... Но девочка спала, и спала жемчужина...

Но вдруг сквозь сон и туман к ней пришел Он. Апельсин. Рыжий клубок счастья. Дразнящий, раздражающий, ехидный, невозможный. «Хочешь, — говорит, — я возьму тебя на ручки? И буду улыбаться тебе, пока ты не выдохнешь музыку, скрипка моя?»

И девочка проснулась. И проснулась жемчужина в ее груди, ставшая вдруг такой же ослепительно-оранжевой, как и все пространство вокруг.

А Мастер Света довольно улыбнулся и закрыл глаза. Теперь все было в порядке.

— Да?.. — голос Стрелочника явственно подрагивал, потеряв былую уверенность, но сдаться он не хотел и не мог (в конце концов, нельзя же так наивно и по-мальчишески расчувствоваться от парочки сентиментальных историй, тем более завиральных до невозможности!). — Любовь, говоришь? А может, это привязанность, привычка, страх, стремление к комфорту? У моей соседки есть маленькая дурная собачонка. Гавкучая, шальная, любопытная, но трусиха — прямо как большинство особей женского пола. Я как раз на днях забавную ситуацию наблюдал, которая с ней произошла... Ну все как у людей...

Ада

Она сорвалась с поводка. Маленькая глупая собачка, которой надоело преданно смотреть в глаза хозяйки. Сорвалась и побежала за первой блудливой кошкой, рванувшей от нее в темную подворотню.

Кошка, разумеется, забралась по дереву, перепрыгнула на крышу и исчезла... А собачка осталась одна в темном и чужом дворе.

Сначала ей было любопытно обнюхивать столбы, деревья, качели, клумбы, потом стало скучно, а уже гораздо позже — откровенно страшно и жалко бедную и несчастную себя, оставшуюся без хозяйки, без той, которой можно преданно смотреть в глаза и вилять хвостом в надежде на косточку и мимолетную ласку. И она заскулила, жалобно, протяжно, одиноко...

Услышав же внезапно привычное и властное: «Ада, к ноге!», по-щенячьи обрадовалась и, несмотря на страх наказания, униженно виляя хвостом, поползла обратно...

Что поделаешь — любовь...

— И тем не менее, мой дорогой мастер виртуозных переключений, даже такая любовь лучше, чем ее полное отсутствие. Пустота в душе, пустота в сердце — самое страшное. Даже в пустыню никогда бы не отправлялся никто из путников, если бы не ожидал, что где-то там должен быть оазис. Я хочу рассказать тебе историю, которая могла бы прозвучать из твоих уст, историю, которую ты от меня не ждешь.

— Какой любопытный поворот, однако. Зачем?

— Затем, что даже в ней может быть двойной смысл и двойной контекст, даже ее можно увидеть совсем по-разному.

Почти рождественская история

За обычными, ничем не примечательными занавесками одного из миллиардов московских окон, забравшись с ногами на кресло и обхватив их руками, сидела Она и грезила. В своих мыслях уносилась далеко-далеко, туда, где за тридевять земель в обычном городе N, а вовсе не в приснопамятном тридевятиом царстве жил ее возлюбленный.

Он был прекрасен как Бог, строен как Аполлон и обладал всеми возможными достоинствами, кроме разве что одного — пронзительного ума и интуиции, хотя в принципе был неглуп. Ну, а если уж совсем конкретно, то не понимал он и не видел, как любит его эта девушка. Парнем он был, в общем, неплохим, девушку не обижал, можно даже сказать, любил где-то, но вот замуж не звал и звезду с неба не дарил. Но зато был образован: читал русских классиков и обожал фильмы Феллини.

В тот вечер Он слегка перебрал на очередной вечеринке и посему домой пошел без шапки и, по-моему, даже без куртки: то ли из залихватства, то ли просто — за был. Ближе к ночи у него началось жуткое похмелье, да еще и простуда подкралась. Немудрено.

Девушка же наша — натура тонкая и чувствительная, ощущала все, что происходило с ее прекрасным принцем, так как обладала даром ясновидения и некоторыми экстрасенсорными способностями, которыми обладают многие влюбленные люди, независимо от какого-либо эзотерического дара.

Вот поэтому Она и сидела в кресле, с грустью думая о том, что с радостью бы ухаживала за любимым, подавая ему аспирин, отпаивая теплым чаем, меняя компрессы... Но, увы, ехать было далеко, да и не поспеть вовремя: сам раньше поправится. А душа ее тосковала. Она задремала в кресле, где-то между явью и сном, в пограничном состоянии. И привиделось ей, что идет она по пустой дороге, зябко кутаясь в старенькую курточку. Ночь, никого нет. Только где-то в стороне недовольно каркают потревоженные ее шагами сонные вороны, нахохлившись, сидящие на голых ветвях обледенелых деревьев. Идет Она в город N, стремится к своему милому, чтобы помочь ему и обогреть своей великой любовью. Влюбленные всегда так наивны... Снег падает за шиворот — а Она идет, мороз проникает под дубленку, кусает за щеки — а Она идет, ветер воет — а Она идет.... идет.... идет...

Но вот наконец и город N. Вот знакомая улица, дом, подъезд, квартира. Прочувшись через дверь на манер привидения (во сне возможно и не такое), Она входит в комнату к любимому. Присев осторожно у его изголовья, девушка ласково кладет руку на раскаленный от температуры лоб. Почувствовав прохладу, тот открывает глаза и сонно улыбается, а потом засыпает снова, на этот раз спокойным и легким сном. Она сидит и гладит его по волосам.

Пора!

Поцеловав любимого на прощание, Она отправилась в обратный путь. Как шла обратно? Точно так же, как и туда, и ничего интересного с ней в дороге не произошло.

В общем, долго ли, коротко ли, дошла девушка до своего дома, а тут и утро наступило — просыпаться пора. Она встает с кресла, чувствуя себя разбитой и невыспавшейся, и идет на кухню пить крепкий кофе — пора собираться в институт.

В городе N тоже утро. Он просыпается и никак не может вспомнить, что было вчера. Потом в недоумении смотрит на пол — рядом с изголовьем кровати, там, где ночью сидела его возлюбленная, оттаивая от ночной прогулки, видна лужица растаявшего снега.

— Очередная растаявшая лужица снега... Боже мой, одни штампы. То ли снег растаял от силы ее любви, то ли бедняжка наплакала лужу горячих и отчаянных слез, если не упомянуть о каком-то другом отправлении естественных нужд, хотя же, да, это так пошло... Вот скажи мне, зачем вся эта тысяча и одна ночь Шахерезады?

— Зачем? Все просто. Любой может быть демиургом, если осмелится БЫТЬ.

Много миллионов лет назад...

Много миллионов лет назад земля имела совсем другие формы и очертания, другие реки, моря и континенты. И люди на ней жили совсем другие. Они умели летать, вернее, левитировать, видели ауру, читали мысли и могли передавать их на расстоянии, лечили болезни, направляя потоки энергий в правильное русло, прикосновением рук...

Но как-то раз кому-то закралась в голову нехорошая мысль, кто-то позавидовал соседу, кто-то пожелал жену друга, и... понеслось... В ауре стали мелькать темно-красные цвета ярости и эгоцентричности, коричневые пульсации страха расплаты за совершенные грехи, красно-желтые оттенки нечистых мыслей и комплекса неполноценности, лимонно-зеленые тона лживости и неискренности, а на индиго наслаивалась розовая пыльца деградации...

И тогда... энергия изменилась, и планета сошла со своей орбиты, сдвинулась, стала вращаться в другую сторону, и... мир изменился... Одни континенты ушли под воду, скрылась Атлантида, исчезли многие острова, омываемые морями страны стали горными массивами, разломы в земной коре создали другие ущелья и пропасти, похоронив прежние цивилизации, а люди перестали обладать внутренним зрением, утратили возможность видеть ауру, левитировать, читать мысли...

Лишь немногим избранным удалось сохранить этот дар для того, чтобы мир окончательно не пал в пучину греха и безнадежности, а имел возможность когда-нибудь вернуться в прежнее состояние, тогда, когда люди поймут, что фраза «Хочешь изменить мир — начни с себя» не пустой звук, а руководство к действию.

— Так ты великий Мастер, Учитель! — театрально взмахнул руками Стрелочник. — Понял: я изменю себя, потом мир и стану великим и ужасным повелителем всех стрелочников мира! А может, и не только их! Знаешь, я тоже в состоянии рассказать тебе притчу, которую мог бы услышать из твоих уст. И, пожалуй, поведаю. Да только вот, оговорюсь сразу, страдать и чувствовать себя кутенком, которого постоянно пихают мордочкой в его же ошибки, больше быть не собираюсь...

Благое дело

Однажды ученик пришел к своему Мастеру и сказал:

— Мастер, я сегодня помогал нищим: накормил их, напоил, дал им одежду и обувь. Я не зря провел свой день и совершил благое дело!

— Как жаль, — ответил Мастер. — Ты лишил их возможности осознать то, что их путь ошибочен.

— Но почему? — удивленно вскричал ученик. — Я дал им шанс возродиться и начать новую жизнь!

— Страдание дается нам затем, чтобы мы поняли, что где-то оступились и пошли не туда. Подавая нищему деньги, кормя и одевая его, ты потакаешь ему должать вести ту жизнь, которую он ведет, и не стремиться изменить ситуацию. Зачем, коли и так все дается без труда? Поэтому в тебе, ученик, нет еще подлинного сострадания.

— Да что ты все заладил «Я» да «Я»! Что, кроме тебя, мира нет? Других людей нет? Они не живут, не ошибаются, им не становится больно? Они тоже могут ошибаться. Ты только жалеешь себя, и все. А ты прости их за то, что они несовершенны, они просто люди. Прими и себя, и их со слабостями и недостатками, пожалей, что они не могут, не способны или не хотят что-то увидеть... Главное то, что пока ты живешь, ты еще можешь многое изменить... Думаешь, Ей никогда не было больно?.. Но разве для нее это стало поводом к недоверию, отступлению, бегству?

— Вот и оставь меня. Буду сидеть тут в своем страдании и тщательно осознавать, куда же не туда я пошел и зачем.

— Ты слеп, увь...

— Каждый имеет право на слепоту, если больше не желает видеть этот мир.

— Каждый имеет право спустить в унитаз любой из божьих даров, которыми он наделен от природы...

— Если и пресловутый божий дар, и унитаз мой, тогда никаких законов я не нарушаю. Выкидывать подарок или оставлять его — дело самого владельца.

— Бесспорно. Хотя и грустно...

Безусловность любви

Встретились однажды девушка и молодой человек и очень понравились друг другу. Они стали встречаться, радуясь каждому дню, проведенному вместе, но постепенно их радость стала омрачаться разными мелкими ссорами и столкновениями, потому что никто из них не хотел уступать другому даже в мелочах.

— Ты должна любить МЕНЯ безусловно! — настаивал молодой человек.

— Почему ты требуешь этого? — удивлялась девушка. — Ведь ты не готов любить безусловно МЕНЯ, если ссориться со мной и требуешь, чтобы я выполняла то, что мне не по душе. Значит, с твоей стороны безусловности нет.

— Если ты будешь любить МЕНЯ безусловно, я награжу тебя сторицей, осыплю ласками, одарю драгоценностями!

— Но я не стану от этого счастливой. Любить безусловно можно только с обеих сторон, имея полную свободу, а не пытаясь посадить любимого в золотую клетку и надеясь, что он будет там счастлив!

— Безусловность любви — это бред, — пробурчал Стрелочник. — Это сказка, фантазия, которой не бывает в реальности.

— А как же Она, та, которая любила тебя?

— Она любила не меня, а созданный ею образ.

— До того, как ты ее бросил, возможно. А потом?

— Потом просто не могла отступить, это означало бы унизиться, сдаться, а такие, как она, не сдаются.

— Ты сам себе врешь. Такие, как она, прежде всего, не тратят время своей жизни на самообман. Она не боится посмотреть правде в глаза, сдаться, проиграть — она просто любит. Вот и вся правда. Мы не всегда видим то, что есть, иногда мы видим то, что привыкли видеть, потому что нас так научили, потому что мы заучили определенные штампы и паттерны поведения. Вот тебе яркий пример.

Чужое гнездо

Однажды скворец увидел, как кукушка подкладывает свое яйцо в гнездо к жаворонку и вскричал:

— Что ты делаешь?

— Устраиваю судьбу своего сына или дочки, — невозмутимо ответила кукушка.

— Ты плохая мать! — посетовал скворец.

— Почему? — спросила кукушка.

— Ты оставляешь свое дитя чужим, а еще губишь неродившихся птенцов жаворонка. Ведь твой кукушонок уничтожит их яйца, выкинув их из гнезда!

— Во-первых, — ответила кукушка, — так же когда-то поступила со мной и моя мать. Как видишь, я жива, здорова и вполне счастлива. А во-вторых, мне нет никакого дела до чужих птенцов. Если скворец не пожелает увидеть, что яйцо чужое, и не выкинет его из гнезда, то сам будет виноват в случившемся.

— Но ты можешь изменить все, свить гнездо и сама высидеть яйцо.

— Не смей меня. Я не умею этого делать, и потом, это против законов природы. Так повелось испокон веков, и не мне менять эту традицию, — ответила кукушка и улетела.

Скворец хотел помочь жаворонку и выбросить яйцо кукушки из гнезда жаворонка, но ему стало жаль неродившегося птенца, и он замешкался. Прилетевший с промысла жаворонки беспокойно завился над своим гнездом и закричал:

— Вор, вор, убийца! Спасите!

Растерявшийся скворец хотел объяснить, в чем дело, но жаворонки так истошно кричал и бил крыльями, что «благодетель» предпочел побыстрее унести ноги, чтобы не быть опозоренным на весь лес.

Вслед ему раздавалось насмешливое: «Ку-ку!»

— Ку-ку! Скоро я с тобой точно буду ку-ку! — проворчал Стрелочник. — Давай уже прекратим эту «Сказка за сказкой», тем более что слушателей и зрителей у нас нет.

— Я не выступаю на сцене, а общаюсь с тобой, — возразил Зазеркальный. — Ты — это я, и мне не все равно, что с тобой происходит. Заканчивай переводить стрелки и начинай жить. А кроме того, ты заставил ее поверить тебе, ты научил ее летать, подарил ей крылья, сказку, а потом неожиданно подстрелил и даже не стал смотреть, как она падает в пропасть.

— Ну, это уже перебор! — возмутился Стрелочник. — Ты еще скажи известную всем фразу — зацепку за чувство вины про то, что ты в ответе за тех, кого приручил!

— И скажу! — воскликнул Двойник. — Потому что это так и есть. Ты должен отвечать за слова, которые произносишь, за поступки, которые совершаешь.

— А я тебе скажу, что в этом мире у каждого свои уроки, и вполне возможно, я был Ей дан для того, чтобы она стала еще сильнее и научилась верить каждому встречному-поперечному! Непроходимая наивность столь же плоха, как и чудовищная глупость! Но в отличие от глупости или юродивости это иногда лечится!

Вероломство

В один прекрасный день маленькая ласточка посмотрела на небо, увидела там белоснежное пушистое облачко и влюбилась.

Ласточка подлетела к нему и сказала:

— Облачко, я люблю тебя.

— Ой! — удивилось облачко. — Ты мне нравишься, но тебе лучше полюбить какую-нибудь ласточку.

— Нет-нет, что ты, я не хочу! Ты — это все, что мне нужно! — ответила ласточка.

— Но я не могу полюбить тебя! Я же просто облако! — ответило облачко.

— Ты сможешь, я знаю, в мире нет ничего невозможного! Моя любовь разрушит все границы! — восторженно сказала ласточка.

Она стала летать вокруг облачка, петь ему песни, рассказывать сказки. Иногда она хотела обнять и поцеловать облачко, но просто пролетала сквозь него, потому что все знают, что обнять облако невозможно.

— Ты так эгоистично и холодно ко мне! — жаловалась ласточка. — Как ты можешь так со мной поступать!

— Я же говорило тебе, что не смогу полюбить тебя, — отвечало облачко и хмурилось.

— Ты уже не белоснежное, а серое! Где были мои глаза, я так в тебе ошибалась! — сетовала ласточка.

— Ну, знаешь, ты сама так захотела, и нечего меня винить! — отвечало облачко.

От расстройства и несправедливых упреков облачко и впрямь потемнело и превратилось в тучку, а потом пролилось на несчастную ласточку проливным дождем. Ласточка сидела под выступом скалы, сушила свои промокшие перья и обиженно думала о непостоянстве и вероломстве некоторых легкомысленных особ, ну совершенно недостойных большой и чистой любви.

— А если тебе мало, так я тебе сразу добавлю еще одну историю на десерт, — продолжил Стрелочник.

Тень в зеркале только пожала плечами.

Свободная любовь

Как-то раз во время охоты снежный барс наткнулся на изящную пуму. Она ему так понравилась, что он стал расточать миллион разных комплиментов, предлагал подарить звезду с неба, обещал любовь до гроба и совершенно головокружительные чувства до конца мироздания.

Пума была нежная и совсем не знала жизни, поэтому тут же, недолго думая, кинулась в объятия к барсу и пылко призналась в ответной любви. Она заглядывала

ему в глаза, приносила еду, ластилась и ласкалась, вылизывала языком, мурлыкала песенки...

Уже через несколько дней барса стала раздражать подобная верность и привязчивость. Он начал уходить на охоту все дальше, все реже появляться ночевать в пещеру, где ждала его преданная пума, а когда появлялся, то непременно в дурном настроении. И как-то раз он не сдержался:

— Знаешь, — сказал барс, — я ошибался. Я не люблю тебя.

— Но как же так? — растерялась она. — Я люблю тебя больше жизни и готова на все, чтобы остаться с тобой.

— Ты не понимаешь, — ответил барс. — Я хочу быть свободным. Когда я дарю тебе свою любовь, то делаю это потому, что мне так хочется. Ты же обязываешь меня своей заботой и так сильно душишь привязанностью, что мне хочется только одного — поскорее уйти как можно дальше и никогда не возвращаться. Я думал, что ты красивая, сильная, свободная и вместе мы будем самой гармоничной парой, а оказалось, что ты обыкновенная домашняя кошка, каких пруд пруди повсеместно. Прощай.

Пума немного поплакала, потом подумала и стала свободной кошкой, чтобы больше ни один барс не смог никогда сказать ей ничего подобного.

— Ты можешь верить во что угодно и исповедовать те принципы, которые считаешь нужным, — сказал Двойник. — Те, которые тебе удобны. Переубедить никого нельзя, и не стоит. Если человек открыт миру, он может принять ту или иную точку зрения, не боясь, что его сочтут трусом, невеждой, человеком, не имеющим убеждений... Ему просто интересно жить и исследовать мир... Остальное игры разума — это посланники страха и адепты социальных табу. Хочешь выбрать их в качестве своих охранников и стражей — воля твоя... Помешать тебе никто не сможет.

Стрелочник пожал плечами, повернулся спиной к зеркалу и пошел прочь. И все же что-то не давало ему покоя.

— Как Она? — спросил он, обернувшись.

— Ты хочешь услышать правду или успокоить совесть? Если правду — узнай ее сам, если второе — придумай, ты же умеешь.

— Интригуешь?

— Нисколько, ты знаешь... Впрочем, могу все же тебе кое-что рассказать. Сказку, написанную Ею для тебя. Главную сказку... Хотя... нет... Держи. Вот ее тетрадь. Здесь несколько ее сказок. Какая из них для тебя и какая главная, узнавай сам.

Двойник растворился в Зазеркалье, оставив своему собеседнику толстую тетрадь, исписанную аккуратным разборчивым женским почерком. Стрелочник вздохнул, немного помедлил, после чего уселся в старое кресло-качалку и открыл ее. На первой странице вверху Она написала название цикла «Сказки для Фонарщика». Чуть ниже, в скобках, значилось: «Предисловие. Закон Мёрфи, или Бритва Хэнлона».

СКАЗКИ ДЛЯ ФОНАРЩИКА

(Предисловие. Закон Мёрфи, или Бритва Хэнлона)

Мой милый, любимый Фонарщик! Не знаю, прочтешь ли ты когда-нибудь сказки из этой тетради, но они написаны для тебя. А как могло быть иначе? Ведь я до сих пор думаю о тебе, несмотря на то, что пытаюсь забыть, освободить от тебя сердце и перестать мучиться и болеть тобой. Я пытаюсь сделать это каждый

день, но сколько бы времени ни прошло со дня нашей последней встречи, это пока остается лишь утопией.

Почему я назвала это вступление, это письмо тебе «Законом Мёрфи, или Бритвой Хэнлона»? Думаю, ты и так знаешь. Они перекликаются между собой, но суть у них одна. Если Мёрфи говорит о том, что «если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет», то Хэнлон утверждает: «Никогда не объясняйте злым умыслом то, что вполне можно объяснить глупостью».

Случилось ли то, что с нами случилось потому, что вероятность этого существовала в принципе или мы с тобой без злого умысла просто наделали глупостей — я не знаю. Я не хочу дать нашей с тобой истории некое логическое определение или вывод, подогнав его под что-то привычное, под уже существующий закон или штамп, но мой ум, мое сердце ищут хоть какие-то объяснения, лежащие за гранью нашей личной вины, за гранью наших страхов, побуждений, амбиций... Это неправильно, потому что виноваты мы сами, но ты же знаешь: человек всегда ищет виноватого и ответственного за свои ошибки... Бритва Хэнлона действительно бритва — мы сами располосовали себе сердца, вены и измучили друг друга сотнями самых разных изощренных способов, прежде чем расстаться. Я знаю, мы оба не сумели сохранить друг друга, но от этого не легче.

Прости меня за то, что это грустные сказки. Как я могу писать светлые и радостные, если тебя нет рядом со мной? Может быть, их удастся написать тебе? Или когда-нибудь во мне останется только свет, и тогда я придумаю для тебя новые сказки...

Пока летят одуванчики...

Я люблю смотреть, как летят по ветру маленькие парашютики одуванчиков. Никто не знает, где они приземлятся, и пока они летят, можно придумать целую историю... Я думаю, что пока они летят — продолжается сказка...

Мы познакомились случайно, как знакомятся все люди, но все же наша встреча была закономерной, потому что сразу, как только ты нечаянно коснулся моей руки, пронзило чувство узнавания, перед глазами проплывали видения наших встреч в иных измерениях и пространствах... Мы разговаривали как старые знакомые, которым давным-давно уютно и комфортно находиться рядом, и беседа может протекать безмолвно, глаза в глаза, сердце в сердце, душа в душу... Я помню, первая и единственная ласка — прикосновение твоего лба к моему — оказалась значительнее любых слов, поцелуев, объятий... Она останется со мной навсегда...

В незапамятные времена, тысячелетия назад мы встретились в первый раз, в тот день, когда я собирала шалфей, мяту, чабрец и другие травы, а ты, подозвав к себе дикого сокола, о чем-то шептался с ним на его гортанном птичьем языке. Сорвался с твоей руки сокол, а ты, странно улыбаясь, подошел и спросил:

— Вылечишь?

Слизнув каплю крови со смуглой кожи, я медленно приложила лист подорожника и взглянула в твои глаза. А дальше была ненасытная огненная страсть пламенеющих сердец, сливших нас в единое целое, и показалось, что вся жизнь пролетела в одно мгновение. Я не помню, сколько нам отвели на свидание боги, наверное, это было то время, пока летят одуванчики... Если бы я знала, то постаралась придумать такое заклинание, которое позволило бы им лететь вечно...

Я помню запах душистых ароматных масел розы и лотоса, окутывающих мое тело флером привлекательности, помню звон золотых и серебряных браслетов на

запаясь от моей торопливой и быстрой походки, когда я бежала к храму, стремясь найти спокойствие и уединение, убежать от шумной толпы... Тяжелый головной убор сдавливал голову золотым обручем, и боль тупо стучалась в виски... После того как меня объявили фараоном, я часто говорила с Амоном Ра, небесным отцом, и сейчас в смятении прибежала к нему... Великий бог молчал, не желая выслушивать глупые тайны маленькой девчонки, вообразившей себя повелительницей Египта и так по-человечески глупо попавшей в сети любви... Конечно, надо идти на поклон к богине Хатор, это ее епархия, вершины блаженства в искусстве любви...

Цветистые фразы придворных, горы золота, власть, зачем все это, когда дерзкий начальник стражи осмеливается ночами ласкать мое тело, заглядывая в темнеющие глаза, чтобы поймать тот единственный миг, возносящий нас ввысь, к звездам? Что в имени Хатшепсут, когда это лишь пыль под небесами, и много веков спустя никто, может быть, и не вспомнит его и не произнесет вслух?

Ты вспомнил... «Моя царица, — сказал, касаясь моего лба, — мы поедем туда снова, и ты увидишь свой храм...» Тогда еще я не знала, что ты не умеешь сдерживать обещания и уйдешь, не попрощавшись. Если бы я могла, то вызвала бы самых могущественных духов, чтобы отогнать ангела смерти от твоего ложа, предложив им любовью выкуп за то время, за краткий миг объятий, растянутый в вечность.... Пока летят одуванчики...

Но ты опять оставил меня одну, уже в который раз, и, глядя на смену времен года, мне придется ждать еще вечность, чтобы успеть перехитрить судьбу, если успею вовремя вспомнить, доплести узор заклинания...

Я не пойду на кладбище провожать тебя в последний путь не потому, что меня туда не звали, просто для меня ты всегда живой, как в последнюю нашу встречу. Не могу слышать над головой карканье ворон, не хочу видеть остовы черных оград, похожих на тюремные решетки... Ведь там, в земле, не ты... Это какая-то дурная глупая шутка... Бегу за твоим силуэтом, кричу... но внезапно обернувшийся прохожий показывает чужое лицо и недоуменно улыбается...

Я пытаюсь смеяться и хожу на вечеринки, ем мороженое и смотрю кино, словно ничего и не было, и дурное известие лишь ночной кошмар, жестокий розыгрыш... Ты обещал мне! Ты не мог так поступить, слышишь! Не верю! Я буду бежать по полю и дуть на все встречные одуванчики, чтобы закружилась метель, которую невозможно остановить, слышишь?!

Я не хочу плакать. Слезы — слишком банальное. Плакать можно, если разобьешь коленку или уронишь любимую вазу, если свалится кошка с одиннадцатого этажа или заболит зуб... Но плакать при мысли о том, что тебя больше нет — фальшиво, ведь тогда кто-то обязательно кинется тебя утешать, сочувственно-отчужденно хлопывая по спине и подавая носовой платок... Я не хочу знать, что где-то на земле есть твоя могила, какой-то нелепый холмик земли с фотографией и крестом — символом бога, в которого ты не верил...

За окном насупливается темнотой ночь и шуршат шины редких машин. Огни города светятся широкоформатной панорамой. Там происходит жизнь, в ночных клубах и казино веселятся призраки, притворяясь живыми, а ты сидишь передо мной в кресле, читаешь мое стихотворение и спрашиваешь:

— Это ты мне написала? — и, не дожидаясь ответа, киваешь утвердительно. — Про меня...

А я не знала, не знала, не поняла, почему я написала именно так, о расставании... ведь ты сидишь рядом...

Любопытными наждачными взглядами царапают окружающие, пытаюсь понять, что я чувствую. Мучительно хмурю брови, пытаюсь вспомнить... Безусловность люб-

ви заключается в том, чтобы давать свободу любимому существу, не привязывать его к себе так, чтобы он бился, как птица в силках... Я поняла и приняла это, тогда казалось, что всем существом, но я не подозревала о степени твоей свободы! Неужели жизнь показалась тебе старым шифоньером с затхлым запахом ветхого штопаного белья, что тебе так захотелось ускользнуть в небо без меня?

Но все же я нашла способ остановить время. Беру краски, сажусь за мольберт и рисую.

На моей картине летят парашютики одуванчиков, которые никогда не приземлятся, а значит, наша сказка продолжится вечно.

Мой король

Стрелочник вспомнил, что когда они познакомились, она сразу стала звать его «Мой король». Как ни странно, это не выглядело глупо, надуманно, пафосно или лживо, наоборот — естественно, словно только так его и могли для нее звать.

До встречи с ней он был знаком со многими девушками, но такого отклика, который рождала в нем Она, никогда не проявлялось. Это чувство и ощущения от него практически невозможно описать словами. Будто над планетой, веками погруженной во тьму, взошло солнце. Словно слепой с рождения калека вдруг прозревает и видит перед собой весь мир. Или глухой начинает слышать музыку... И это было так прекрасно, что становилось невыносимо страшно. Чем выше забираешься, тем больше падать, а тут пришлось бы лететь с такой высоты и в такую бездну, что шансы уцелеть равнялись абсолютному нулю.

Тогда, в первый момент он еще не успел испугаться и струсить, поскольку ступень его ошарашенности перекрывала все защитные механизмы и активность мозга оказалась минимальной. Стрелочнику казалось, что он готов на любые подвиги, потому что отказаться от Нее было невыносимо, невозможно, так же как не может отказаться дышать, пить, есть...

В нем легко, просто и быстро перевернулось и изменилось так много! Из Стрелочника он стал Фонарщиком и Королем. Он оказался большим, могучим и всесильным, он переродился Демиургом, Творцом. Ощущать в себе эту мощь было непривычно, хотя и чрезвычайно приятно. Там, где раньше пасовал, начал одерживать одну за другой победы. В том числе и над собой, что каждый раз вливало в кровь очередную бешеную дозу адреналина... Но ненавистная реальность все равно потихоньку вторгалась в его жизнь, заявляя свои права. Воспаривший в небо шарик оказался привязанным к земле крепкими нитями различных обязательств, условностей, страхов, привычек, расстаться с которыми было не так просто, как это казалось вначале.

Вокруг роились разные персонажи: другие короли и королевы, славо- и страстолюбцы, дельцы и деляги, драматурги и сценаристы, они же по совместительству Демиурги и Творцы и еще много всякого народа, разного пола, национальностей, вероисповеданий, профессий... Все они смотрели на него, изучали, оценивали, судили, шушукались, ревниво и с осуждением качали головой, то ли завидуя, то ли испытывая пуританские чувства моральной тошноты от его свободы и счастья. Самое сложное для людей — остаться друзьями в счастье другого, не испытывая при этом даже оттенка досады.

Он пытался бороться с миром и самим собой, но внезапно стали накрывать чудовищные панические атаки, грозившие захлестнуть и поглотить полностью. И один раз, когда любимая ненадолго отлучилась, Фонарщик не выдержал: взял и погасил свой фонарь, чтобы покончить с этой историей раз и навсегда.

Проблема заключалась в том, что это дурацкое сооружение все никак не желало гаснуть, проклятый фитиль продолжал раз за разом разгораться снова и снова, и яркое жизнерадостное пламя вновь начинало ярко пылать, сигнализируя всем о немыслимой дерзости происходящего.

Рвать по живому оказалось всерьез больно. Словно час за часом, день за днем отгрызать себе руку... Словно каждый день умирать заново, биться в агонии и не знать, кончится ли это когда-нибудь, или муки будут длиться веками...

В конце концов Фонарщику удалось вырыть подходящую яму и спрятать фонарь туда, заменив его игрушечной подделкой, не вызывавшей подозрений. Постоянный аутотренинг и лекарственные средства для амнезии, сердобольно подсовываемые «доброжелателями», помогали держаться в приемлемой для существования форме, пока его не стали мучить странные сны. Сначала его Двойник со сказками, а потом и Она, не желавшая отпускать на свободу, а может, в рабство, писала ему бесполезные стихи и письма...

* * *

Нахлынуло... Внезапно, своенравно,
И жизнью жизнь, и смертью смерть поправ,
Не повествуя, но молча о главном,
О самой ядовитой из отрав —

О той любви, что грезят менестрели,
Зовут принцессы в башнях или без,
В которой уже многие сгорели,
Пока на землю падали с небес.

Фонарщик помнил, как Лис когда-то говорил Маленькому Принцу о том, что по настоящему можно видеть только сердцем, а суть вещей незрима для глаз. Тогда не придавал этим словам особого значения, они были просто набором слов и звуков, но теперь вспоминал их довольно часто.

Он знал, что если решится идти, то предстоит зажечь фонарь и не останавливаться, а двигаться без остановок вперед, чтобы больше никогда не пытаться гасить тот огонь, который жрецы любого храма и любого бога считали бы священным.

Впереди расстиралась пустыня, в глубине которой виднелся не то оазис, не то мираж.

Планета Забытой Музыки

Тогда, в самом начале времен, мир все еще казался мне радужным и полным красок, летать было легче, чем ходить по Земле, а мы оба обладали силой демиургов и умением творить чудеса. Я размышляла о том, какой же необыкновенный подарок для тебя придумать, чтобы он остался с тобой навсегда, чтобы никто и никогда не смог повторить что-то подобное...

И тогда я создала для тебя Планету Забытой Музыки.

Ты ее хозяин и властелин, единственной своей волей способный возрождать утраченное из небытия или оставить его там, в мертвом покое, среди множества других печальных обрывков угасающих мелодий... Туда ссылали отдельные песни и це-

лые альбомы, сочинения композиторов и голоса певцов, утраченные цивилизациями музыкальные инструменты и академические открытия, так никому и не пригодившиеся, а потому канувшие в Лету. Я наделила тебя силой, с которой не смогли бы соперничать ни самые беспощадные диктаторы, ни богатейшие люди мира, мнящие, что могут получить все желаемое. Но подобные дары нельзя приобрести деньгами и силой, их невозможно сотворить из алчности или желания польстить.

Ты оценил мой подарок и принял его с радостью, виртуозно, как гениальный дирижер, подчиняющий своей воле целый оркестр, начал управлять подвластным тебе миром. Словно ребенок, получивший необыкновенную игрушку, ты с упоением занимался ею, либо милоя, либо приговаривая к пожизненному заключению или смерти.

Искушение властью сделало тебя более смелым и уверенным в себе, но оно стало и одной из причин краха нашей любви. Ты перестал быть милосердным. Вместо прекрасных замков и мостов стал строить тюрьмы и стены, выкапывая вокруг них для надежности глубокие рвы.

Безумие зашкаливающего адреналина, поступающего в кровь, вызывало в тебе жажду более экстремальных ситуаций: от американских горок до русской рулетки, снова и снова. Ты не понимал, что я уже не выдерживаю таких испытаний на прочность, что с каждым днем, с каждой лютой проверкой я все больше таю и рассеиваюсь, как туман в порывах безудержного и шквалистого ветра... А может, я просто мертвела, превращалась в марионетку или в мумию... Кто знает... «Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений», — написал Франсиско Гойя к одному из своих офортов. Наш разум спал наяву, рождая их, этих чудовищ, а чудо... чудо ушло...

Тогда я просто сбежала, не только ради себя, но ради нас, ради тебя, чтобы окончательно не стать причиной твоей мутации в того, кого я не хотела и не могла любить. Непрекращающаяся боль стала привычной, я даже научилась находить в ней нечто отрадное, ведь благодаря ей я понимала, что все еще существую и все еще жива. Но мне было страшно.

Окружающий мир казался фантомным, словно он — декорация к фильму про апокалипсис, жестокая компьютерная игра или... настольная игра в «Мафию». Помнишь ее? Игроки там делятся на две команды: мирных жителей и мафию, но никто из игроков не знает, кто есть кто. Разумеется, в том, что он «мафия», никто не признается, поэтому игроки пытаются угадать принадлежность каждого к той или иной группе. В общем, каждый день кого-то из игроков «убивают», пока не побеждает сильнейшая команда или отдельный игрок. В общем, наш мир тоже такая игра или подобная ей. Но иногда начинает казаться, что «мирных жителей» на нашей планете не существует вовсе, все мы — «мафия» и все творим под покровом ночи свой беспредел, лишь прикидываясь добропорядочными гражданами... Но изредка, на закрытых вип-балах у Сатаны, даже позволяем себе снимать маски благолепия, открывая друг другу истинные лица. Почему? Зачем? Чтобы в очередной раз убедиться в том, что среди нас нет юродивых с белыми крыльями, а все мы — воспитанники ада, за усердную учебу получившие аттестаты с отличием и по-родственному распределенные на теплые местечки...

Какая Планета Забытой Музыки?! А как насчет Планеты Забытой Любви или Планеты Забытой Человечности? Наверно, я юродствую, да... Но мне так хотелось верить в то, что мы сумеем, сможем, справимся с чем угодно, если будем вместе и сохраним нашу любовь... Скорее всего, это моя вина — я недостаточно в тебя верила, недостаточно любила, поле моей любви оказалось слишком слабым и немощным, чтобы удержать тебя рядом...

Если магнитное поле земли создается и поддерживается внутриземными источниками, то поле человека создается и генерируется его собственными внутренними источниками: душой, силой духа, разума, набором генов и приобретенных знаний, возможно, чем-то еще... Чем сильнее то, что внутри, тем больше притяжение снаружи, и источники послабее становятся спутниками самой сильной планеты, захватывающей управление и власть.

Когда-то я считала, что истинная сила всегда добра, поскольку ей нет необходимости что-то доказывать, унижать, властвовать, она нацелена на созидание и демиургию. Но так ли это? А если это лишь иллюзия и обман, позволяющий нам тешиться несбыточными мечтами и продолжать верить в чудо, которого нет? Мне страшно от одной мысли, что это может оказаться правдой, поэтому я гоню ее от себя прочь. Я знаю, я помню те мгновения чуда, когда сама творила планеты и миры для тебя, когда совершала невозможное снова и снова и вокруг расцветали улыбки, теплели сердца, искрились счастьем глаза... Надо только сделать над собой небольшое усилие, опять поверить «несмотря на...», «вопреки» — как угодно, но поверить — так пылко, чтобы ты зажег свой фонарь и пошел, не останавливаясь ни на миг, чтобы искру погасить огонь, который несешь, миновало тебя, не коснувшись...

Да, я слабая, я всего лишь маленькая испуганная девочка с коробком спичек в замерзших руках, и в ладошке есть только одна спичка, один шанс на миллион случайностей, но я буду верить в него, я буду верить в тебя так, как никто никогда не верил. Когда-то я создала целую планету, а сейчас мне нужно только зажечь спичку, сберечь пламя ее огня и поднести к твоему фонарю... Это гораздо проще, чем кажется, надо просто не думать о плохом, не подпускать его к себе, не позволять ему завладеть тобой и верить, верить в то, что любовь все еще может спасти этот безумный отчаявшийся мир.

Я стою посреди пустыни и жду тебя.

Жду, когда придешь и снова скажешь: «Солнце, раньше я думал, что выражение „Опустела без тебя земля“ лишь метафора, красивые слова, но когда я на миг потерял тебя из вида, то испугался, что это навсегда, и понял, что это — правда. Без тебя мне не нужен ни один мир и ни одна планета...»

Тогда я зажгу спичку, поднесу пламя, дрожащее на тоненькой волшебной палочке, к твоему фонарю, а когда фитиль примет этот огненный поцелуй — вспыхнет новая Вселенная. Возьму тебя за руку и отвечу: «Пойдем скорее. Я так долго тебя ждала, но всегда знала, что мы есть друг для друга и что мы обязательно найдемся. Без тебя мне тоже не нужен ни один мир, но знаешь... он существует только потому, что в нем есть мы оба. Ты и Я».